

УДК 81'271

НОРМА: СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., профессор кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. erofeeva@gmail.com

Статья посвящена сложному и многоаспектному явлению языковой нормы. Подробно рассматриваются следующие аспекты этого явления: 1) норма как социопсихолингвистическая категория, 2) количественный аспект нормы, 3) механизм нормы. Языковая норма и ее механизм обусловлены комплексом факторов, из которых определяющими являются зависимость характеристик языка и речи от факторов коммуникативной ситуации, особенности когнитивной организации индивида, отражение вероятностных закономерностей языка в сознании индивида. Норма отражает вероятностные закономерности использования индивидом языковой системы в зависимости от коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: языковая норма; социопсихолингвистический аспект; вероятность; когнитивные способности; механизм.

В 2005 г. в журнале Петербургского лингвистического общества «Язык и речевая деятельность» вышла статья Б.В.Касевича, которая называется «Еще о языковой норме» [Касевич 2005]. В этой статье он справедливо отмечает, что «литература, связанная с проблемами нормы, практически необъятна» [там же: 10] и что «норма, по-видимому, “неисчерпаема, как атом”» [там же: 9]. Изучение нормы насчитывает уже более полувека, исследованием нормы занимались многие известные лингвисты, тем не менее далеко не все аспекты этого явления описаны полно и однозначно.

Упомянутая выше статья В.Б.Касевича послужила толчком для написания данной статьи, автор которой, с одной стороны, опирается на мысли и утверждения В.Б.Касевича, с другой – рассматривает проблемы нормы несколько иначе, в ином ключе.

В статье Б.В.Касевич выделяет несколько аспектов, связанных с понятием «норма». В данном случае нас будут интересовать только 3 из них, а именно: 1) норма как социолингвистическая категория, 2) количественный аспект нормы, 3) механизм нормы. С нашей точки зрения, в языковой действительности все эти аспекты переплетаются настолько тесно, что их, скорее, труднее разделить, чем рассмотреть в совокупности.

Возьмем за отправную точку социолингвистический характер нормы. В настоящее время положение об обусловленности нормы социально-культурной ситуацией уже не вызывает сомнения у большинства лингвистов и является общепринятым. Л.А.Вербицкая дает норме следующую характеристику: «Норма – категория внутриязыковая, она присуща языку как системе и связана с наличием в любом языке потенциальных возможностей разного обозначения одного и того же явления. При этом, безусловно, норма – результат действия социальных факторов, связанных с существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени, т.е. категория социолингвистическая» [Вербицкая 1997: 105]. В статье В.Б.Касевича также говорится, что «норма применительно к языку как системе есть прежде всего **социолингвистическая** категория», но при этом В.Б. добавляет, что норма – это «такая характеристика системы и входящих в нее единиц, которая определяется не только, даже не столько собственно языковыми закономерностями, сколько оценочными и вкусовыми в своей основе факторами социального порядка» [Касевич 2005: 10]. Это утверждение кажется важным прежде всего с точки зрения противопоставления нормы и узуса. В норму, в отличие от узуса, входят только те языковые реализации, которые, по

мнению носителей языка, являются желательными и престижными [см.: Ерофеева 2005].

Таким образом, норма – это не чисто языковая, и даже не собственно социолингвистическая категория, а социопсихолингвистический феномен, обусловленный 1) языковой системой, которой пользуется данный коллектив; 2) социальной средой, в которой функционирует данная языковая система; 3) оценкой средств этой языковой системы ее носителями, т.е. психологическим, субъективным фактором.

В связи с этим очень важно различать так называемую языковую норму (которую часто подменяют нормой литературного языка, что, с нашей точки зрения, является категорически неверным) и норму других вариантов языка, таких как говоры, местные варианты литературной разговорной речи, различного вида жаргоны и т.п. Каждый из этих идиомов является социально обусловленной языковой системой. Соответственно, для каждого из идиомов определяется **своя** сфера функционирования, **своя** социально-культурная среда, **свой** круг носителей и, соответственно, **свои**, отнюдь не всегда совпадающие с другими, оценочные характеристики языковых вариантов. Поэтому совершенно справедливо замечание В.Б.Касевича о том, что описание норм – это задача социолингвистики, а при описании норм исходная задача социолингвиста состоит в определении эталонно-референтной группы носителей языка [Касевич 2005: 12–13]. В настоящее время сложилась традиция, при которой лингвисты, а зачастую и социолингвисты, оперируют прежде всего одной эталонной группой – предполагаемыми носителями литературного языка – и только их оценки и критерии относительно языка принимаются во внимание. В то же время носители языка, составляющие социальные базы других идиомов, вырабатывают, как уже говорилось, свои оценки и свои эталоны и, соответственно, опираются на свои эталонные группы. Но сложность ситуации состоит в том, что довольно часто (если не всегда) носители языка ориентируются не на одну, а на несколько эталонных групп: с одной стороны, эталонные престижные образцы поставляет социум повседневного общения (и их может быть несколько), с другой – так или иначе происходит «навязывание» некоторых образцов и эталонов извне – через средства массовой информации и массмедиа, реже – через художественную литературу. Возникает ситуация взаимодействия двух или нескольких идиомов (и норм) в рамках речевой деятельности одного индивида. Если при этом индивид обладает достаточным языковым чутьем, то устанавливается диглоссия или полиглоссия норм, каждая из которых связывается с опре-

деленной ситуацией и социумом, т.е. они распределяются функционально. Если индивид таковым чутьем не обладает, то степень интерференции норм и, соответственно, идиомов может оказаться весьма велика, до полного неразличения.

Второй аспект, которого хотелось бы коснуться, – это количественный аспект нормы. Вообще, отношение к статистическим методам при определении нормы в лингвистике неоднозначное. Ср., например, высказывание С.И.Ожегова «Языковая норма – не статистическое явление, ибо распространенной и повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка» [Ожегов 1955: 14] и мнение Л.К.Граудиной, о том, что «критерий употребительности и широты распространения существующих в пределах литературного языка вариантов в случаях их оценки называется едва ли не решающим» [Граудина 1980: 71]. Согласно точке зрения Л.К.Граудиной, только статистика может установить порог, за которым «ошибка» уже считается нововведением. Заметим, однако, что С.И.Ожегов говорит о **литературной** норме, а количественные характеристики связывает с языком в целом, т.е. смешивает два разнородных явления, а Л.К.Граудина пишет лишь об определенной разновидности языка – литературном языке, анализируя **его норму и его же количественные характеристики**. Очевидно, именно разница в исходных теоретических посылах и приводит к различиям во взглядах на количественные аспекты нормы. Рассмотрение нормы не как характеристики всего языка в целом, а как характеристики только одного из идиомов, обусловленной социальными параметрами его функционирования и ориентированной на определенный, относительно однородный круг его носителей, позволяет говорить о необходимости включения статистического компонента в описание нормы.

В статье В.Б.Касевича количественный параметр связывается только с одним видом нормы – с нормой дескриптивной, в противовес норме прескриптивной. Понятия «дескриптивная норма» и «статистическая норма» используются им как синонимы [Касевич 2005: 13]. В то же время, как нам кажется, если речь не идет о литературном языке, прескриптивная и дескриптивная нормы оказываются не противопоставлены. Например, носители говоров очень четко осознают особенности своей речи в противоположность речи носителей других, отличающихся говоров: здесь присутствует сразу и дескриптивная норма («у нас так не говорят»), и прескриптивная («нужно сказать иначе»). Собственно прескриптивная норма в этом случае и может пониматься как **оценка** правильности/неправильности речи.

А она зависит в том числе и от статистических характеристик.

Уже сама возможность выбора и отсева при решении вопроса о нормативности вариантов в том или ином идиоме приводит к выводу о статистической природе нормы. Традиционно вероятностно-статистический взгляд на природу нормы обусловлен ее пониманием как распределения, в основе которого лежит система вероятностных оценок, один полюс которых образует допустимость употребления данного варианта (вероятность, равную 1), а другой – запрещение его употребления (вероятность, равную 0). Однако, по справедливому мнению Р.Г.Пиотровского и его соавторов, «использование только двух этих оценок сильно огрубляет описание лингвистической реальности. Чтобы получить достаточно богатое описание норм речи, необходимо использовать весь интервал вероятностной меры от нуля до единицы» [Бектаев и др. 1977: 7]. В соответствии с этим языковую норму можно назвать характеристикой распределения вариантов в тексте или в определенной подсистеме языка: с точки зрения речи норма рассматривается как выбор того или иного варианта; с точки зрения языка, по мнению П.М.Алексеева, норма предстает как своеобразный фильтр, распределяющий языковые варианты в зависимости от параметров среды, в которой происходит коммуникация [Алексеев 1977], т.е. от коммуникативной ситуации в широком смысле этого слова.

Таким образом, разным коммуникативным ситуациям свойственна разная норма употребления языковых средств. И в этом смысле разные нормы разных языковых идиомов – лишь частный случай разных норм разных языковых ситуаций, поскольку социальный состав носителей идиома можно рассматривать как фактор, причем один из важнейших, коммуникативной ситуации.

Как это происходит? Почему языковая норма реагирует на изменение условий коммуникации, на смену факторов коммуникативной ситуации?

Задавая эти вопросы, мы переходим непосредственно к вопросу о механизме нормы. Этот вопрос, как пишет В.Б.Касевич (что мы полностью поддерживаем), связан прежде всего с соотношением понятия «норма» с членами классической триады Л.В.Щербы «язык – речь – речевая деятельность». В.Б.Касевич пишет, что «механизм нормы во всех случаях связан с ограничением степеней свободы при переходе от “топологических”, абстрактно-инвариантных признаков и правил системы к их “метрическим” речевым вариантам, обладающим качественно-количественной определенностью, что осуществляется в процессе речевой деятельности. Норма,

следовательно, самостоятельная категория, не сводимая к членам триады “язык – речь – речевая деятельность”. Можно сказать, что норма – один из механизмов, связывающих язык и речь в процессе речевой деятельности» [Касевич 2005: 16].

Норма вырабатывается в речевой деятельности, следовательно, в более широком контексте она должна рассматриваться в рамках общей теории деятельности. Среда, «действительность», в которой живет и действует человек, организована вероятностно. Поэтому в своей деятельности человек вынужден адаптироваться к вероятностно организованной среде и он вырабатывает (в данном случае неважно, онтогенетически или филогенетически) определенный когнитивный механизм **оценки частоты** тех или иных событий (в том числе и в зависимости от иных событий, т.е. условных вероятностей), а также когнитивные механизмы, снижающие неопределенность среды, меру энтропии поступающей информации – например, категоризацию, при которой происходит отвлечение от нечастотных, нетипичных, несущественных или низкофункциональных **с данной точки зрения, в данной ситуации** признаков. Результаты действия такого механизма закрепляются языковыми средствами.

Языковая среда также среда вероятностная. И здесь действует тот же механизм – нормообразование как адаптация к вероятностной среде через среднюю, типичную тенденцию. В данном случае это приспособление индивидуального к социальному. И роль вероятностного фактора при этом является первостепенной.

Если вернуться к триаде Л.В.Щербы, то норма присутствует здесь как минимум в двух вариантах: это индивидуальная норма как компонент языковой компетенции отдельного носителя языка (индивидуальной речевой организации – по Л.В.Щербе) и норма языковой системы того социума, в которую данный индивид входит.

«Норма... задана в лингвистическом сознании членов коллектива, пользующихся данным языком...» [Пиотровский, Турыгина 1971: 46]. Речевая организация индивида всегда ориентирована на определенную норму, которая может меняться, как уже говорилось выше, в зависимости от параметров коммуникативной ситуации. О существовании нормы индивидуальной речевой организации мы узнаем по оценкам самих индивидов (зачастую лишь косвенным) и по оценкам речи носителей других норм (это и спонтанные направления речи других людей, и самокоррекция, и высказывания относительно неправильности или правильности речи). В «индивидуальности» нормы заключена вариативность нормы соци-

альной языковой системы, что наиболее ярко проявляется, когда норма индивидуальной речевой организации вступает в конфликт с представленными в различных идиомах нормами социальных языковых систем.

Согласно Л.В.Щербе, индивидуальная речевая организация (включая и индивидуальную норму) формируется в социуме и, соответственно, обусловлена социально. Степень социальной адаптации индивида и, следовательно, степень отклонения от общей тенденции может колебаться. Если говорить об онтогенезе, то на первых этапах формирования языковой компетенции количество отклонений от «взрослой» нормы может быть высоким в силу ее несформированности. У взрослого индивида количество и степень отклонений может колебаться в широких пределах – от намеренных отклонений от той или иной нормы до такой ситуации, при которой норма индивидуальной речевой организации максимально приближена к определенным социальным ожиданиям. В любом случае степень вариативности здесь никогда не будет равна нулю в силу уникальности каждого речевого акта.

В то же время основная функциональная нагрузка нормы как компонента языковой компетенции индивида заключается именно в адаптации индивидуального социальному, в адаптации к вероятностной среде, в которой функционирует язык и которая характеризуется единством иррегулярности и регулярности. Норма «активируется» под воздействием как внешних (социально-коммуникативных), так и внутренних (индивидуально-психологических) обстоятельств. Именно благодаря норме осуществляется отбор языковых средств при порождении речи и сличение с эталонами – при восприятии речи.

При этом норма речевой организации индивида не только адаптирует ее (речевую организацию) к социальной языковой системе, но и является нормообразующим началом языковой системы (идиома) в целом: опора на сходный языковой материал формирует у индивидов сходные нормы, являющиеся базой для формирования общей нормы идиома [ср.: Щерба 1974: 28–29]. Это среди прочих факторов обеспечивает эволюцию языка как системы возможностей. Нормообразующий механизм в природе вообще обеспечен вариативностью и необходим для эволюции.

Таким образом, норма 1) осуществляет обратную связь индивидуального и социального через механизмы адаптации языковой способности индивида к социуму и 2) выстраивает единую социальную схему, интегрирующую индивидуальные речевые системы. Антиномия социального и индивидуального в норме реализуется через статистические (вероятностные) закономерности

«языковой системы», с одной стороны, и «языкового материала» – с другой (термины Л.В.Щербы).

Говоря об отражении вероятностных закономерностей в сознании индивида, т.е. в речевой организации индивида, мы имеем в виду прежде всего отражение речевых вероятностей в сознании носителя языка. Речевая вероятность (термин Л.Р.Зиндера и Н.Д.Андреева) – объективная величина (частота) появления языковой единицы в потоке речи [Андреев, Зиндер 1963]. Именно ее оценка служит носителям языка основным «ориентиром» в вероятностной языковой среде. При этом частота определенных языковых единиц не просто фиксируется носителями языка, а соотносится в их сознании с другими элементами системы и их частотами. В результате выстраивается система частотных, вероятностных оценок, связанных с типичными ситуациями общения.

Различные психолингвистические эксперименты (ассоциативные эксперименты, эксперименты на оценку субъективной частоты слова, эксперименты по категоризации, субъективному шкалированию, восприятию и т.п.) показывают, что носители языка достаточно согласованно действуют в одинаковых условиях и при одинаково поставленных задачах [Агибалов 1995; Вероятностное прогнозирование в речи 1971; Доценко 2005, 2006; Ерофеева, Сторожева 2009; Глазанова 2001, 2004; Глазанова, Штерн 1996; Караулов и др. 1994–1998; Краузе 2006; Овчинникова и др. 2000; Словарь ассоциативных норм... 1977; Угланова 2004; Фрумкина 1971; Фрумкина и др. 1991; Шабес 1989, 2008; Элькин, Штерн 1990 и др.]. В то же время при изменении условий или задач стратегия испытуемых меняется, но меняется опять же однотипно. При этом очень четко прослеживается значимость фактора частотности языковых единиц и ориентация на него как на один из первостепенных практически во всех видах экспериментов. Уже сам факт существования словарей субъективных частот и словарей ассоциативных норм свидетельствует о реальности особого механизма нормообразования, опирающегося на оценку статистических характеристик действительности и языка/речи.

Таким образом, сопоставление результатов различных психолингвистических экспериментов позволяет говорить о существовании своеобразного универсального механизма нормообразования, основания которого большей частью кроются именно в психологии индивида, в его когнитивной организации. По существу, все логические операции в структуре мышления (сравнение, анализ, синтез, абстракция и обобщение), позволяющие вскрыть внутренние связи, закономерности и существенные свойства объектов,

составляют и реализуют нормообразующий потенциал индивидуальной языковой способности, а посредством него и социальной языковой системы. В основе практически всех этих операций лежит выделение существенных атрибутов объектов, значимых для индивида как социального существа, некая усредненная оценка этих объектов.

Механизм нормы состоит, с нашей точки зрения, в вычленении наиболее типичных (статистически преобладающих) в определенной ситуации единиц, закреплении в сознании говорящих связи этих единиц с данной ситуацией и ориентации в коммуникации при выборе единицы на определенную (или моделируемую в сознании) ситуацию. В случае с нормой какого-либо идиома – ориентацией на его носителей и связанных с ними, типичных для них языковых моделей.

Таким образом, языковая норма и ее механизм обусловлены комплексом факторов, из которых определяющими являются следующие: 1) зависимость характеристик языка и речи от факторов коммуникативной ситуации, 2) особенности когнитивной организации индивида (категориальность восприятия, ассоциативные свойства памяти и пр.), 3) отражение вероятностных закономерностей языка в сознании индивида.

По своей природе норма – стремление индивида к равновесию. И внеязыковая среда, и языковая среда вероятностны, и индивид вынужден к ним адаптироваться. Нормообразующее начало языковой способности индивида, как и его когнитивного механизма в целом, позволяет удерживать равновесие между иррегулярностью и регулярностью среды, благодаря тому что норма является системой с обратной связью. Именно это свойство нормы обеспечивает ее пластичность и вариативность, т.е. отражает вероятностные закономерности использования индивидом языковой системы в зависимости от коммуникативной ситуации.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №11-04-00009а.

Список литературы

Агибалов А.К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1995. 196 с.
Алексеев П.М. Квантитативные аспекты речевой деятельности // Языковая норма и статистика / под ред. Р.Г.Пиотровского и др. М.: Наука, 1977. С.43–58.
Андреев Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка // *Вопр. языкознания.* 1963. № 3. С.15–21.

Бектаев К.Б. и др. Норма – ситуация – текст и лингвостатистические приемы их исследования / К.Б.Бектаев, Л.И.Белоцерковская, Р.Г.Пиотровский // *Языковая норма и статистика* / под ред. Р.Г.Пиотровского и др. М.: Наука, 1977. С.5–42.

Вербицкая Л.А. Вариантность нормы и типы произнесения // *Экспериментально-фонетический анализ речи* / под ред. Л.В.Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. Вып.3. С.105–115.

Глазанова Е.В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 237 с.

Глазанова Е.В. О надежности психолингвистических методов // *Проблемы социо- и психолингвистики.* Пермь, 2004. Вып.5: Языковая личность в условиях диглоссии и билингвизма / отв. ред. Е.В.Ерофеева. С.45–53.

Глазанова Е.В., Штерн А.С. Градуальное измерение вербальной семантики // *Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. Вып.4: Семантика и коммуникация / отв. ред. Л.В.Сахарный. С.177–189.

Доценко Т.И. Зависимость речевого поведения информанта от коммуникативной ситуации эксперимента // *Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации* / отв. ред. М.П.Котурова. Пермь, 2005. С.18–24.

Доценко Т.И. Ассоциативный эксперимент и речевое поведение информанта в экспериментальной ситуации // ...Слово отзовется: памяти А.С.Штерн и Л.В.Сахарного / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С.149–158.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка / отв. ред. Ф.П.Филин. М.: Наука, 1980. 288 с.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е.В., Сторожева Е.М. Идиомный компонент коннотативного значения слова // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология.* 2009. Вып.4. С.5–13.

Караулов Ю.Н. и др. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н.Караулов, Ю.С.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова; Ин-т рус. яз. РАН. М., 1994–1998. Т.1–6.

Касевич В.Б. Еще о языковой норме // *Язык и речевая деятельность.* 2005. Т.8. С.9–24.

Краузе М. Когнитивная модель эпистемической модальности: данные контрастивного анализа // ...Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В.Сахарного / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С.293–305.

Овчинникова И.Г. и др. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции) / И.Г.Овчинникова, Н.И.Береснева, Л.А.Дубровская, Е.Б.Пенягина. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 312 с.

Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Вопр. культуры речи / под. ред. С.И.Ожегова. М.: Наука, 1955. Вып.1. С.5–33.

Пиотровский Р.Г., Турыгина Л.А. Антиномия «язык – речь» и статистическая интерпретация нормы языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л.: Наука, 1971. С.5–46.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А.Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.

Уланова И.А. Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2004. 194 с.

Вероятностное прогнозирование в речи / под ред. Р.М.Фрумкиной. М.: Наука, 1971. 199 с.

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971. 168 с.

Фрумкина Р.М. и др. Семантика и категоризация / Р.М.Фрумкина, А.В.Михеев, А.Д.Мостовая, Н.А.Рюмина; отв. ред. Ю.А.Шрейдер; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. 168 с.

Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высш. шк., 1989. 175 с.

Шабес В.Я. Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2008. Вып.11: Языковая вариативность / отв. ред. Т.И.Ерофеева. С.30–43.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л.Р.Зиндер, М.И.Матусевич. Л.: Наука, 1974. С.24–39.

Элькин Ю.А., Штерн А.С. Опыт построения словаря субъективных частот слов для детей дошкольного возраста // Мышление и коммуникация / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1990. С.81–83.

LANGUAGE STANDARD: SOCIOLINGUISTIC, PSYCHOLINGUISTIC, AND STATISTIC ASPECTS

Elena V. Erofeeva

**Professor of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University**

The article deals with such a complex and multi-aspect phenomenon as language standard. The following aspects of this phenomenon are considered in detail: 1) standard as a sociolinguistic and psycholinguistic category, 2) statistical aspect of standard, 3) mechanism of standard. Language standard and its mechanism are determined by a complex of factors; the most important of these are correlation between language and speech characteristics and the communicative situation, specificity of the individual's cognitive organization, reflection of probabilistic patterns of language in the mind of the individual. Standard reflects probabilistic patterns of language use by an individual in a specific communicative situation.

Key words: language standard; sociolinguistic and psycholinguistic aspects; probability; cognitive abilities; mechanism.